

ХРОНИКА. ТЕКУЩАЯ НОВОСТИ.

с. 2 Театр Корша: бенефисъ Н. В. Светлова („Очаровательный сонъ“ Достоевскаго Антропова, „Завтракъ у преддителя“ Тургенева, „Медвѣдь“ Ант. Чехова).

Въ пятницу, 28-го октября, г. Светловъ отпраздновалъ въ театрѣ Корша свой первый активный бенефисъ, въ которомъ онъ выступилъ не въ качествѣ просто бенефицианта, т. е. артиста, имѣющаго право на получение изъ кассы извѣстныхъ денежныхъ прибылей, а въ качествѣ заправскаго „именинника“ на исполненіи которымъ той или другой роли покоится центр тяжести самого спектакля.

Для бенефиснаго дебюта г. Светловъ выбралъ „Очаровательный сонъ“ Антропова (буквальный перифразъ ризсказа Достоевскаго „Дядюшкинъ сонъ“).

Главная роль (князя Духанова) — роль тонкая, требующая отъ исполнителя громадной нюансировки и массы разнообразія. Иначе, зрителю, просто, спать захочется, глядя на этого полуразвалившаго старичка-вивера, переputывающаго на каждомъ шагѣ имена, лица и событія.

Во второмъ актѣ, „трупъ, который похоронить забыли“ (опредѣленіе самого Достоевскаго), нѣсколько отличается подъ влияніемъ лишняго бокала шампанскаго. Случайно сыгранная мелодія напоминаетъ ему нѣчто изъ его далекой, далекой молодости.. Онъ начинаетъ чувствовать себя живымъ человѣкомъ: онъ лепечетъ о возрожденіи, о любви,—онъ плачетъ о томъ, что все „это“ случилось не такъ, какъ онъ думалъ когда-то... загнипнотизированный музыкой и шампанскимъ, трупъ опускается на колѣна.. Это, повторяю, очень тонкій драматическій штришокъ, которымъ надо уметь воспользоваться, чтобы подготовить князю его новыя слезы,—о томъ, что за потерю шести взятокъ въ преферансъ его пытались упрятать въ сумасшедшій домъ...

Г. Светловъ плохо нюансировалъ эту сцену. Ровность исполненія роли сослужила ему, на этотъ разъ, плохую услугу. Зрители много смѣялись въ первомъ актѣ, устали смѣяться во второмъ и уже съ нетерпѣніемъ поджидали третьяго и послѣдняго заанвѣса. Лучшій актъ у него — первый.

Справедливость требуетъ прибавить, что публика устала смѣяться еще до „Очаровательнаго сна“ благодаря бойко разыгранному „Завтраку“ (гг. Ленскій, Светловъ, Вязовскій, Петина и г-жа Красовская) и увлекательно-веселой пьескѣ г. Чехова.

„Медвѣдь“ — это форменная *шутка*, построенная на „невозможномъ“ анекдотѣ и не претендующая на *жизнь* или „естественность“. Кредиторъ покойнаго мужа молодой и хорошенькой вдовушки является къ ней за получениемъ долга. Получивъ отказъ въ немедленной уплатѣ, онъ принимается бушевать самымъ безцеремоннымъ образомъ (дѣло доходитъ до поломки стульевъ). Неувротимый характеръ *медвѣдя* нравится вдовушкѣ, — ямки на щечкахъ вдовушки нравятся „медвѣдю“, но такъ какъ она оскорблена его словами: „нахаль“, „невѣда“ и т. п. то онъ и вызываетъ ее на дуэль...

Это очень нелѣпо, но и очень смѣшно, въ то же время, и потому вызываетъ неудержимый хохотъ въ публикѣ.

Вдовушка приноситъ пару пистолетовъ: стрѣляться будутъ сейчасъ же. Онъ учитъ ее, какъ слѣдуетъ держать пистолеть, и, потомъ, объявляетъ, что выстрѣлитъ на воздухъ.

— Отчего? Оттого, что вы трусили? — Нѣтъ, оттого, что я... я люблю васъ! Хотите быть моей женой?

Легкая борьба и побѣда.

Въ моментъ, когда «медвѣдь» тискается въ своихъ объятіяхъ вдовушку, въ комнату вваливается ватага деревенской прислуги, — съ дрекольями граблями и топорами: добрые люди пришли выпроводить *медвѣдя* изъ барыниныхъ покоевъ..

Благодаря великолѣпной игрѣ гг. Рыбчинской и г. Соловцова, публика хохотала до упада.

Автора вызывали. Театръ былъ полонъ. Бенефицианта встрѣтили очень ласково и поднесли ему серебряный сервизъ на плато, покрытомъ цвѣтами.

Н. П.

* * Положительно судьба преслѣдуетъ „Марію Бургундскую“.

Назначено было ея первое представленіе на 11 октября; внезапный отъѣздъ г. Корсова по весьма уважительной причинѣ въ Петербургъ заставляеть отмѣнить спектакль; по печальному недоразумѣнію билеты не остаются дѣйствительными до перваго представленія оперы, какъ это обыкновенно дѣлается въ театрахъ, а деньги вы-